

ИЗУЧЕНИЕ СТАРОБЕЛОРУССКОЙ И СТАРОУКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЛИТВЕ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Марина Ивинская

Библиотека музыки и искусства
Центральной библиотеки г. Вильнюс

Литовско-белорусско-украинские языковые и литературные связи начали комплексно изучаться в старом Виленском университете усилиями профессоров И. Левелея, И. Даниловича, М. Бобровского, З. Доленга-Ходаковского (Адама Черноцкого), И. Чернявского, И. Лобойко. (Bieliniski 1899–1900; Францев 1906; Janowski 1939). Они определили особый объект исследования: славяне земель, в течение столетий входивших в состав Великого княжества Литовского, и их отношения с балтами. В центре внимания оказались написанные на старобелорусском языке свод летописей *Летописец Великого Княжества Литовского и Жомойтского*, *Литовская Метрика* и *Литовский Статут*; становление и развитие книгопечатания на территории ВкЛ; кириллические религиозные и учебные книги и изданные в Вильне и Евье (Еввесе) славянские грамматики; соотношение латино-католической культурной традиции с греко-православной, старорусской, старобелорусской, староукраинской, польской и литовской письменностью; системы стихосложения; началь-

ные опыты литературоведческого описания памятников и анализа произведений художественной литературы XII – начала XVII вв. Всё это позволило говорить о возникновении в университете полонистики, русистики и начал белорусистики и украинистики.

В последние десятилетия XIX – нач. XX столетий, когда, как и в Литве, возникало программно-организованное политическое и культурное движение украинцев и белорусов за государственную независимость, научная мысль в поисках национальной идентичности приступила к широкому исследованию общего с Литвой и Польшей культурного наследия с настойчивыми попытками рассмотрения диалектных, религиозных, культурных «примет» будущего украинского и белорусского языков в кириллических памятниках XIV – XVII вв. В соответствии с тогдашним словоупотреблением, понятие «руски» язык принимается и как обозначение языка общих памятников кириллической письменности ВкЛ, и как синоним старобелорусского и староукраинского языков.

И. Франко в книге *Очерки истории украинско-русской литературы* писал: «Вироблення нової літературної мови на основі не церковнослов'янської, але щиро народної, з одного боку, галицькоруської, що в чистій формі являється в найстарших грамотах другої половини XIV віку, а з другого боку, – білоруської...» (Франко 1910, 39). Аналогічно підйожили свої изыскания украинский историк М. Грушевский (Грушевский 1907, Грушевский 1912, Грушевский 1926). и Е. Карский (Карский 1897, Карский 1903-1922). Основоположник и главный авторитет новой белорусистики формулировал выводы, принципиально совпадающие с заключениями И. Франко и М. Грушевского. Вскоре после выхода заключительной части *Белорусов* в каунасских журналах появились рецензии. (Jezovítov 1924, 331–333; Станкевіч 1924, 37–45), в которых обосновывалось основополагающее значение трудов Е. Ф. Карского в утверждении национального самосознания белорусского народа в XX веке.

Хронологически национально-историческое самосознание литовского общества после восстановления государственности началось с публикаций и осмыслений первых памятников письменности XIV – XVI вв., т. е. с памятников на старобелорусском, староукраинском, старопольском и латинском языках. Появившиеся в первые годы независимой Литвы библиографии, научные и учебные разработки, антологии опирались на длительную и серьёзную издательскую и исследовательскую традицию, существовавшую как особое лингвистическое, литературоведческое и этнографическое направление в европейской компаративистике с начала

XIX в.; многие труды на польском, русском, немецком, чешском языках этого направления ко времени восстановления литовской государственности стали классическими и могли служить фундаментом для концепций литовских ученых (Балтрамайтіс 1904; Biržiška 1909). Однако в условиях восстановленной государственности прежние концепции впервые получают адекватное истолкование, поскольку они строятся на основе не внешней, а внутренней – литовской – точки зрения на историю возникновения литовского государства, письменности, культуры.

Эта принципиально национальная интерпретация прошлого выразилась в том, что в источниковедческой, научной и учебной литовской литературе старобелорусские и староукраинские памятники рассматривались как *литовские*, т.к. в них излагалась история Литвы от её истоков до конца XV в. с точки зрения великокняжеской, общегосударственной, а содержащиеся в них мифы, сказания, герои, описания природы, поселений, оснований городов, обычаев и пр. воспринимались как непосредственность литовского национального эпоса, религиозности, начал государственной и гражданской жизни. Именно в таком качестве летописи, хроники, истории, дипломатические и юридические документы на старобелорусском и староукраинском языках стали в межвоенный период издаваться с соответствующими комментариями, впервые переводиться на литовский язык и художественно обрабатываться.

Среди таких изданий важнейшее значение имели: А. Шлюбскі, *Матэрыялы для крыўскай гісторыі: Доля кнігасховаяў*

і архіваў зямель крыўскіх і б. Вял. Кн. Літоўскага (Коўна 1925); *Летописец Великого Княжества Литовского и Жомойтского*. Поводле спіску гр. Рачынскага (Коўна 1925); *Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясніцельнай кнігонісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя*. Апрацаваў В. Ластоўскі (Коўна 1926); [паралельна заглавіе на адрэдным тытульным лісте по-літоўскі : *Gudų knygos istorija. Aiškinamosios bibliografijos bandymas nuo X šimtmečio galo ligi XIX šimtmečio pradžios*. Sudarė V. Lastauskas (Kaunas 1926)]; М. Раčkус. *Gudonai lietuvių tautos giminaičiai* (Chikago III, 1929, 432 s.); М. Бірžiшка. *Mūsų raštų istorija* (Kaunas 1920); М. Бірžiшка. *Svetimosios kalbos lietuvių rašto istorijoje*, 1924 m. Studentų litografuota. (išspausdinta: М. Бірžiшка . *Iš mūsų kultūros ir literatūros istorijos*. I. 1931 m., p. 55–69).

М. Біржишка читал в рамках университетского курса истории литовской литературы цикл лекций по белорусской литературе. В изданных *Программах* выделены темы: *Lietuvių raštai gudų kalba*. §1 *Gudų kalba lietuvių raštuose. Lietuvos metrika*. §2 *Lietuvos Statutas*. §3 *Lietuvos metraščiai*. В программе литовской литературы для высших учительских курсов при Каунасском университете (1922–1938) предусматривалась *Gudų literatūros istorija* (12 часов). В программе указывались источники: М. Бірžiшка *Rinkiniai mūsų senovės raštai* (Kaunas 1927); J. Gerullis *Senieji literatūrų skaitymai* (Kaunas 1927), а также названные выше разработки (Бірžiшка 1938, 393–412).

Изучение белорусско-украинской литературы (gudų literatūra) предусматривалось также в пособиях других авторов: J. Gabrys *Lietuvių literatūros apžvalga* (Т. I–II, Kaunas 1913–1916), раздел *Lietuvių gudų rašliava*

XIV–XVI a.; V. Zajančkauskas *Lietuvių literatūros vadovėlis* (Vilnius 1924), раздел *Lietuvos literatūra gudų kalba*. Изучение старобелорусско-украинской литературы было включено также в учебники для гимназий М. Мишкинис *Lietuvių literatūra* (Kaunas 1938) и Z. Kuzmickis *Lietuvių literatūra*. II dalis. *Senoviniai raštai, pažnytinė literatūra ir Duonelaičio kūryba, Vadovėlis aukštesniosioms mokykloms* (Kaunas 1932). На последнем учебнике остановимся подробнее.

3. Кузмицкис в разделе *Lietuvių literatūra, rašyta svetimomis kalbomis* описывает исторические условия возникновения старой литовской литературы и , сравнивая эти условия с теми, которые ранее существовали в других странах христианского мира, как западно-католических, так и восточно-православных, указывает на формирование литовской литературы на церковнославянском, «русском» (старобелорусском и староукраинском), старопольском и латинском языках как явление, повторяющее в принципе возникновение литератур на национальных языках в западноевропейском и восточноевропейском регионах в IX–XII вв. При этом Кузмицкис конкретно разъясняет причины более позднего развития собственной письменности и особую роль в этом процессе письменности на «русском», польском и латинском языках. В центральном разделе *Svetimos kalbos kultūriniam lietuvių tautos gyvenime ir pirmieji lietuviško rašto paminklai* рассматриваются тексты *Литовской Метрики, Литовского Статута, летописи Литовскому роду починак, Летописец Великого Князьства Литовьского и Жомойцьского, хроника – Maciej Strykowski Kronika Polska, Litewska, Żmodzka i wszystkiej Rusi.*

Литовскому роду починок – в его переводе *Lietuviškosios giminės pradžia* – рассматривается как древнейшее свидетельство истории Литвы со времен Гядиминаса до 1382 г. Центральной фигурой этого периода является Витаутас, княжение которого выражает основную идею летописи: Витаутас – полноправный правитель Литвы, достойный княжеской короны. Переведенная на латинский язык и распространенная по всей Литве и в других странах, эта хроника стала документом, подтверждающим независимость Литвы. Для М. Кузмицкиса, сосредоточившегося на национальном характере летописи, важно было указать на объективность *стиля*: подлинно эпическое повествование, в котором личность автора не акцентирована. Вместе с тем, оставаясь серьёзным, стиль летописи достаточно живой, близок к разговорной речи и одновременно к языку официальных документов. Эти особенности отличают летопись от стиля «русских» книг – книжного, тяжёлого, трудночитаемого. Кроме того, летопись содержит много диалогов, придающих повествованию дополнительную живость. Всё это, по мнению З. Кузмицкиса, дает основание сделать принципиальной важности вывод: „...šio metraščio stilius gali būti pavadintas lietuvišku stilium“ (р. 13).

Ещё более подробно представляет Кузмицкис *Летопись Великого Княжества Литовского и Жомойтского (Didžiosios Lietuvos ir Žemaičių kunigaikštystės metraštis)*, справедливо рассматривая её как главное свидетельство исторического самосознания Великого княжества Литовского, возникшего в эпоху Ренессанса и обладающего новыми, исключительно важными

особенностями. Их рассмотрению литовский учёный предпослал довольно обширные параллельные фрагменты на старобелорусско-украинском языке и на литовском (подчеркнём, что перевод летописи на литовский язык сделан Кузмицкисом впервые). Здесь представлены: начало летописи, в котором утверждается римское происхождение литовского племени, *О князе Палемоне и трёх его сыновьях (Apie kunigaikštį Palemoną ir apie tris jo sūnus)*; *О Великом Князе Гедиминсе, как основал Тракай и Вильнюс (Apie didįjį kunigaikštį Gediminą, kaip įkūrė Trakus ir Vilnių)*; *О Великом Князе Гедиминсе и семи его сыновьях (Apie didįjį kunigaikštį Gediminą ir apie septynis jo sūnus)*.

Далее, раскрывая подробно содержание, З. Кузмицкис последовательно перечисляет все тридцать три озаглавленных в летописи эпизода, давая таким образом полное представление о событиях и героях памятника. Последующая подробная характеристика выделена в особый подраздел *Didžiosios Lietuvos ir Žemaičių Kunigaikštystės metraščio upatybės ir reikšmė*. Сделано это с целью всемерно подчеркнуть и закрепить в сознании читателя чрезвычайно важный элемент летописи – вошедшую в неё теорию романского происхождения литовского народа. Литовский учёный остановился также на впечатляющих изменениях летописной структуры и стиля: на переходе от повествования по годам к рассказам о выдающихся личностях, т. е. на насыщении летописи беллетристическими принципами и психологическими характеристиками, на большем включении элементов живого языка, диалога, литовских слов. В сумме, как заключает Кузмицкис, эта

летопись ещё более сближала белорусскую и литовскую знать.

Последующий перевод летописи ВКЛ на польский язык способствовал широкому распространению её в обществе. Кузмицкис воспроизводит в своей книге страницу летописи в польском переводе, предоставляя читателю возможность непосредственно увидеть взаимопроникновения старобелорусско-украинских и старопольских памятников.

Важно указать и на методические стороны учебника М. Кузмицкиса, а именно на заключающие каждый раздел и подраздел контрольные вопросы, способствующие не только запоминанию богатого фактического материала, но и его осмыслению как непосредственного материала литовской истории, например: „Kurio būdu gimė lietuvių visuomenėje romėniškoji lietuvių tautos kilmės teorija“; „Kaip charakterizuotas Palemonas: jo kilmė, turtai, siekimai?“; „Kurią stiliaus formą pasirinko autorius: pasakojamąją, dijaloginę ar aprašomąją?“; „Ar turi ką bendra metraštininko pasakojimas su lietuvių romėniškąja kilmės teorija?“; „Kokios reikšmės turėjo lietuvių tautai ir kultūrai „Metraštis“?“ (р. 25, 31). Контрольные вопросы дополняются заданиями, преследующими ту же цель возможно более конкретного уяснения летописного текста, например: „Nupieškite žemėlapi, kuriame būtų pažymėtas Palemono maršrutas į Lietuvą.“ (р. 32).

Менее подробно характеризуются в учебнике З. Кузмицкиса *Литовская Метрика* и *Литовский Статут*. Однако и здесь автор акцентирует внимание на государственном самосознании Великого княжества Литовского как самосознании, идентичном духу западноевропейского Ренессанса и гуманизма в главном. Куз-

мицкас напоминает, что старобелорусско-украинский язык использовался Канцелярией ВКЛ в качестве государственного. Поэтому *Метрика* включает документы XIV–XVI вв., в основном, на этом языке, а также на латинском языке, который использовался в сношениях с западными странами, и, позднее, на польском языке. Собранные воедино разнообразные государственные, дипломатические, юридические, торговые, гражданские, военные и пр. акты должны были документировать бытие литовского государства тогда и во все последующие времена, а в момент возрождения литовской государственности свидетельствовать о её многовековой истории.

Также интерпретируется и *Статут*. В нём юридически закреплена практика государственной и гражданской жизни ВКЛ, и в 13 разделах изложены законы, основанные на принципах, выдвинутых в эпоху гуманизма и в других западных странах, корректировавших прежние средневековые законоуложения. В Литве они были сформулированы полностью на новых демократических идеях. Кузмицкис напоминает о повсеместном распространении и употреблении *Литовского Статута*, о переводе его в конце XVI в. на польский язык (Кузмицкис воспроизводит в учебнике страницу польского варианта с положением о необходимости добровольного согласия девушки при выдаче её замуж). Ученый напоминает также о том, что *Литовский Статут* действовал на территории ВКЛ в течение XVII – XVIII вв., и подсказывает, что многие его положения могут быть восприняты возрожденным литовским государством.

Основные источники по старобелорусско-украинской литературе были собраны в названном выше издании В. Ластовского *Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясніцельнай кнігонісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя*.

В предисловии В. Ластовский представляет книгу как первую попытку собрать и прокомментировать памятники старобелорусской письменности: «Праца гэта першая спроба даць, памагчымасці, усестароннае паняццё аб стара-крыўскай (беларускай) пісьменнасці, само сабой не прэтэндууючы на поўнае пералічэнне усіх захаваўшыхся да нашых часаў пісаных крыўскай мовай помнікаў» (с. IV). Автор называет многочисленные предшествующие опыты такого рода неудовлетворительными, потому что они строились на оскорбительном для белорусского народа утверждении о культурной его отсталости: «Белорусы, – цитирует он школьные учебники дореволюционной России, – самая малодшая галіна рускага народу <...> Беларусы, загнаные і панурья, малоздольныя да культурнага развіцця...» (с. VI).

В. Ластовский называет «русским» языком живой язык восточнославянских народностей (староукраинской и старобелорусской), который формировался в X–XII вв. и развивался в литовский период с XIII по XVII вв., на котором было создано много памятников религиозной, летописной, деловой, учебной, художественной литературы. Поэтому первый долитовский период – памятники X–XII вв., которые давно известны как памятники Киевской или Новгородо-Псковской Руси. По мнению Ластовского, при таком «великорусском» толковании истории и

культуры игнорируется срединная, между Севером и Югом, территория, исторические лица и топография которой отражены в старорусской письменности очень конкретно.

Древнейший, самый крупный памятник *Слово о полку Игореве*, считает Ластовский, следует отнести к старобелорусской (кривской) литературе. Для середины 20-х гг. прошлого века выдвижение подобной гипотезы могло показаться неожиданным, поскольку к этому времени утверждалась точка зрения, согласно которой *Слово о полку Игореве* является общим достоянием восточнославянских народов. Белорусский учёный выделяет шесть фрагментов текста поэмы, в которых упоминаются князья-кривичи Всеслав Полоцкий, Изяслав, сын Васильков, Братислав и Всеволод, внуки полоцкого Всеслава, а также города Полоцк, Минск, Городня, местные события. Автор считает необходимым отнести *Слово* к памятникам старобелорусской (кривской) литературы.

Нельзя не видеть, что концепция Ластовского совпадает с восприятием *Слова о полку Игореве* М. Богдановичем в его свободном переводе памятника. Ластовский пишет: «З усіх княжых імёнаў XI ст. найбольш увагі ў *Слове* дадзена князю Усеславу Полацкаму...» (с. 49). М. Богданович, в соответствии с таким же пониманием памятника, меняет его название – вместо князя Игоря вводится имя Изяслава Полоцкого: *Песьня пра князя Вяслава Полацкага*. Соответственно, иначе звучит свободный перевод: «Изяслаў, сын Васількоў, Даўнымі часамі Аб літоўскія шаломы Пазваніў мячамі; Адняў славу у сваго Дзеда, у Ёсяслава, І улёгся нярухома

На траве кривавай ...засмуцілася вясё-
ласьць, Песьні замаўкаюць, Ё жалобна,
сумна трубы У Гарадні граюць» (Багда-
новіч 1911, 31).

Безоговорочная характеристика В. Лас-
товским *Слова о полку Игореве* как па-
мятника только белорусской литературы
не вызвала в межвоенной Литве специаль-
ных возражений. Возможно, потому что
для научного и общественного сознания
более авторитетной являлась иная точка
зрения, выраженная в лекциях и в акаде-
мическом учебнике известного писателя
и профессора университета Витаутаса
Великого Балиса Сруоги (Sruoga 1931, 132–
152). В самой большой из посвящённых
памятникам древнерусской литературы
главе “Giesmė apie Igočio žygi” Б. Сруога
излагает историю открытия и изучения
Слова, анализирует изобразительные сред-
ства и впервые пробует переводить памят-
ник на литовский язык (как известно,
его перевод будет опубликован в 1952 г.).
Опираясь на труды Срезневского,
Буслаева, Миллера, Вяземского, Тихо-
нравова, Потемни и ряда других русских
исследователей, интерпретация Сруоги
лишена украинских или белорусских ас-
социаций и поэтому не включается в
литовскую белорусистику и украинис-
тику.

Локализация крупнейшего памятника
восточнославянской письменности на кри-
вической земле означала, что В. Ластовский
утверждает высокую развитость старо-
белорусской литературы в ещё долитовский
период её существования. Другое, не менее
важное, утверждение белорусского учёного –
жанровая близость *Слова о полку Игореве*
к т. н. дружинному (рыцарскому) эпосу.
Слово создал певец дружины князя Иго-

ря, участник его похода, аналогично тому,
как трубадур пел славу Роланду во фран-
цузском эпосе. Таким образом, согласно
Ластовскому, старобелорусская (кривская)
поэзия долитовского периода была от-
крыта западным художественным влияни-
ям, что подтверждает тезис о её разви-
тости.

Старобелорусско-украинская литерату-
ра ВКЛ включает два периода: рукопис-
ный (XII–XV вв.) и печатный (XVI–XVII вв.).
Первым по времени возникновения яви-
лось *Житие виленских мучеников*. В. Лас-
товский помещает текст памятника пол-
ностью. Исследователь не вступает в по-
лемику с т. н. «скептиками» (Zachorski
1927, 68–72; Chodyncki 1927, 418–419). Он
мог опереться на работу М. Сперанского
Сербское житие литовских мучеников
(Москва 1909), в которой памятник ха-
рактеризуется как поздний пример жи-
тийного жанра, восходящий к ранним
западным и византийским образцам, но
являющийся оригинальным по истори-
чески достоверному содержанию (литовс-
кий князь Ольгерд, колеблющийся между
язычеством и христианством, и его при-
ближённые, принявшие во имя новой
веры мученическую смерть). Учёный
комментирует основные факты возник-
новения и распространения *Жития*: кан-
низация мучеников в 1374 г. Констан-
тинопольским Вселенским патриархом
Филофеем Коккиным; переканонизация
в 1549 г. на московском Соборе Русской
Церкви; различие Сербского, Греческого,
Виленского списков (Святые виленские
мученики 1895; Сперанский 1909); старо-
славянский язык памятника со значи-
тельным вкраплением лексики живого
«русского» (старобелорусского) языка.

С начала XVI в. начали появляться католические редакции *Жития* на польском и латинском языках: Leon Kreuza, *Obrona jedności cerkiewney abo dowody ktoremi się pokazuje iż grecka cerkiew z łacinską ma być zjednoczona* [Wilno 1617]; Jan Dubowicz, *Hierarchia abo o zwierchnosci w Cerkwi Bozey. We Lwowie, w drukarni Collegii Societatis Jesu u Sebastyana Nowogorskiego, Roku Pańskiego 1644*; Albertus Wuiuk-Koiałowicz, *Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lituaniae Ducatu pertinentium Vilnae, Typis academicis, Anno Domini MDCL*; „De sanktis Ioanne, Antonio et Eustachio, martyribus Vilnae in Lituania” (*Acta Sanctorum* 2, Aprilis t. 2, Bruxelles 1675). В XVIII в. по сюжету *Жития* была написана «школьная драма» на латинском языке *Sacra Fames Inter Profanas Dapes a Divis Martyribus Joanne, Antonio & Eustachio usque ad consummationem vitæ Tolerata, Ad Triduani Carnisprivii Mensas Carnivoræ Ingluviei In Scenico apparatu Opposita Ab Illustrissima, Perillustri ac Magnifica Oratoria Juventute Akademice Vilnensis Societatis Jesu Anno Domini MDCCXXXII* (Baronas 2000, 322–323). Её автор – иезуит, профессор риторики Виленской Академии Ян Иосиф Обронпальский (Jan Józef Obrąpalski, 1700-1759) (Grzebień 1996, 469). Подтверждением известности истории является также запись в католическом календаре 1738 г.: “Martius. Marzec 3. Poniedz. SS. Trzey Litwinowie pokojowi Olgierda xcia za wiarę w Wilnie obieszeni 1328. Ich imiona na chrzcie były Jan, Antoni y Eustachi, alias Kukley, Mihley y Niżyło” (Jan Poszakowski. *Kalendarz polityczny y historyczny <...> na rok Pański 1738*). Достоянна внимания и предшествующая запись, от 2 марта: “Niedz: Sucha 2. Quadragesimae Reminiscere. Czternastu błogosławionych męczenników franciszkanów w Wilnie

od pogaństwa umęczonych 1332, za Olgierda xiążęcia, z których siedmiu na łysey górze ukrzyżowano, siedmiu na rynku święto”. Виленская общественность XVIII в., как видим, сближала мучеников за христианскую веру в Литве – католиков и православных.

Из печатных кириллических памятников XVI в. Ластовский выделяет пражские и виленские издания Франциска Скорины с перепечаткой скориновских предисловий и послесловий к евангелическим текстам. В биографическом очерке о Скорине и комментариях к его произведениям Ластовский обращает внимание на демократизм их содержания и языка, сочетание в них народности и конфессиональности, указывает на историческое значение печатной и религиозно-просветительской деятельности Скорины. Усилия В. Ластовского ввести в научный обиход межвоенной Литвы наследие основоположника восточнославянского книгопечатания совпали с публикациями текстов литовского первопечатника Мартинаса Мажвидаса и появлением ряда исследований о нём (Mažvidas 1922; Gerullis 1927, 1–37; M. Biržiška 1927, 5–7, 106–118; V. Biržiška 1930, 33–43). Были проведены параллели между просветительской деятельностью и изданиями белорусского и литовского первопечатников. В. Биржишка, основываясь на собранных им фактических сведениях о литовских старопечатниках, высказывает соображения о взаимодействии Скорины с Мажвидасом и его последователями (J. Morkūnas и др.) в налаживании книгопечатания в Кенигсберге и Вильнюсе (V. Biržiška, Aleksandrinas I, 1990, 197). В прессе появляются просветительские статьи на эту

тему: М. К. *У літоўцаў Мажвідас – у беларусоў Скарына* (М. К. 1937, 3). Автор статьи высказывает соображение о сходстве *Катехизиса* М. Мажвидаса и изданий *Библии* Ф. Скорины, выделяет совпадения в обращениях обоих авторов к читателям: *Простые слова Катехизиса – Katekizmuso prasti žodžiai*, указывает на важнейшее значение сходства для белорусской и литовской науки и призывает к специальному исследованию памятников.

В. Ластовский прослеживает в старобелорусских памятниках движение национальной идеи. Поэтому он более подробно комментирует общегосударственные литовско-белорусские летописи (например, приводит и комментирует из летописи Быховца описание Грюнвальдской битвы) и религиозную литературу, запечатлевшую деятельность православных и униатских митрополитов Григория Цамбалака, Ипатия Потя, Мелетия Смотрицкого, анализирует религиозную полемику между католиками, униатами и православными в конце XVI – первой половине XVII вв., духовную деятельность и поэзию Симеона Полоцкого (виленского периода) на латинском, польском и «русском» языках. Симеон Полоцкий (1629–1680), воспитанник Виленской иезуитской Академии (1650–1653), слушал лекции М. Сарбевиуса, находился под воздействием его эстетики и латинских стихов. Польская часть его поэтического наследия отмечена печатью влияния Яна Кохановского, поэзию которого Полоцкий хорошо знал и переводил (Ўзірны 1966, 3–27).

Выводы белорусского учёного, по его собственным словам, «малоутешительны». Белорусы веками стремились к своей на-

циональной идентичности, но по разным причинам безрезультатно. Они возлагали надежды, главным образом, на религиозное обособление, которое могло, как казалось, защитить их от чрезмерного влияния и давления Византии и Москвы. Поэтому белорусы поддержали образование независимой литовской епархии, а позднее – Унию. Эти соображения Ластовского по содержанию и тональности носят характер личной и одновременно национальной исповеди, здесь важно и что говорит В. Ластовский, и как он говорит. Приведём эти высказывания в оригинале: «Рэлігійная унія 1596 году ня была прыпадковым ці накінутым фактам у жыцці нашага народу, але саўсім натуральным вынікам ходу тагочаснага жыцця. Была гэта ў першы чарод нацыянальная «руская» справа, поднятая ініцыятарамі яе з добрай верай і надзеямі уратаваць сваё грамадзянства пры помачы яшчэ адной рэлігійнай спробы, ў той час, калі надзеі, ўскладаныя на рэформацыю, пачалі падаць, і каталіцкая рэакцыя стала загартаць пад сябе што раз шырэішыя масы, а з другой стараны стала ізноў узнімацца праваслаўе, якое пагражала разрастаць маскоўскіх уплываў. Пры самых сваіх нарадзінах унія апынулася паміж двама воражымі ей абозамі, – між рэформатамі і проваслаўнымі, якія ціснулі яе з дзвёх старон, заганыючы ў штораз большую залежнасьць ад рыма-католікаў. І хоць унія ня здужала утрымаць у сваіх руках кіравецтва адражэньнем нашага грамадзянства, але ў пачатках палажыла вялікія заслугі, бо прычынілася да разбуджання дрэмлючых сіл у нашым народзе, як у грамадзкім жыцці, так і ў пісьменнасці» (с. 250).

В. Ластовский усматривает связь между расцветом белорусской и украинской литературы и европейскими Ренессансом и Реформацией, прослеживает конкретные пути и судьбы представителей восточнославянской интеллигенции. «Будучы ў заходна эўропэскіх акадэміях, унівэрсытэтах і вучэльнях, наша моладзь далучалася да вялікага умасловага руху, які ў тых часы захопліваў заходна-эўрапейскае грамадзянства і быў шырока вядомы пад назвай гуманізму» (с. 246). В то же время он видит и отрицательные стороны этого движения. «Паверыўшы ў сваё італьянскае паходжаньне, магнаты, а за імі баярства і шляхта, лічылі сябе чужынцамі ў роднай зямлі. Падобна летапісцу Міхаёну многія з нашых вярхоў у XVI ст. гаварылі: “непатрэбна мы вучымся рускай мовы, каторая не дае ніякай славы, ў дадатку чужой нам, літвіном, г. зн., – італьянцам, іпаходзячым с крыві лацінскай” (Міхалён Літвін “Аб абычаях татар, літвіноў і масквіянаў” – “Вьстнкъ Зап. Росс.” 1864, т. III, бб. 35, 36). Гэткі погляд ужо быў пратэстам супроць «арыентацый», магчымай спробай аб’яднаць магнацкія роды на грунце свае дзяржаўнасьці. Кіруючыся гэтакімі поглядамі, магнацкая моладзь вучыцца лаціны і імкнецца заганіць: сьпяраша – ў Прагу да чэхаў, дзе с 1379 году існавала бурса для студэнтаў з Літвы і Русі, пазьней – у Кракаў, дзе с 1409 году закладаецца такая-ж бурса, і ўрэшце, ў пачатках XVI ст., моладзь цэлымі грамадамі выяжджае ў Італію, ў Нямецчыну і Францыю.

Вядомы князь Міхайла Глінскі канчае навукі ўжо заганіцай і прыймае там каталіцтва. Леў Сапега вучыцца ў Лейпцызе, князь Саламярэцкі і Мелеці Смат-

рыцкі канчаюць навукі ў Вітэнбэрзе. Князь Заслаўскі 12 гадоў бавіць у вучэльнях Італіі, Нямецчыны, Францыі і Нідэрляндзіі. Ян Кішка – зяць Канстантына Астрожскага, пазьней галоўная апра соцыянаў у Літве, – вучыўся ў Італіі. З мэтрык Базылейскага унівэрсытэту відаць, што ад 1533 да 1599 году тут вучыліся: Ян Кішка, двох Зэновічаў, Скумін (Тышкевіч), двох Масальскіх, двох Абрамовічаў, двох Радзівілаў, Агінскі, Трызна, трох Нарушэвічаў і Валовіч. У Падуі меж 1592 і 1599 вучылася: двох Глебовічаў, Тышкевіч з Лагойска, Валовіч, Копець, Сапега, двох Нарушэвічаў, двох Абрамовічаў, Корсак і інш. Усе яны запісаны тут ў спісках як “Lituanī”. З тысячаў крыўскай і украінскай моладзі, ўсяго адзін толькі украінец падпісаўся ў сьпісках кірылаўскімі літарамі: “Іезехиель Курцевичъ рукою власною”» (с. 245–246).

Положения своего основного труда Ластовский конкретизировал, дополнял, разнообразил в своих многочисленных публикациях на страницах белорусских журналов, издававшихся в 1920-е гг. в Каунасе при поддержке литовского правительства. Основная часть публикаций осуществлена им в журнале «Крывіч», который он редактировал вместе с К. Душевским-Дужем. В первом номере редакция журнала аннотировала: «“Крывіч” зьмяшчае вершы, апавяданьні як арыгінальныя, так і перекладныя з лепшых чужаземных аўтораў. Распраўовуе пытаньні беларуска-крыўскай гісторыі і філэлёгіі, этнолёгіі, дае агляды культурнага і грамадзкага жыцьця Беларусі с пад усіх забораў. Адзіная беларуска-крыўская часопісь, якая зьвязана з важнейшымі навуковымі цэнтрамі Зах. Эў’

ропы а злашча Славянства і Прыбалтыкі» («Крывіч» 1923 № 1, с. 3). Более 80% художественных произведений и научных материалов в каждом номере посвящались истории Белоруссии и Украины. Наибольшее число публикаций, разнообразных по тематике и жанрам, принадлежали самому Ластовскому (Ластовский 1923–1925); необходимо также отметить статьи З. Кузеля (Кузель 1924), Ю. Верещака (Верещак 1923–1924), А.Белецкого (Бялецки 1923), Ю.Сулимирского (Сулімірскі 1925), Б.Скаринича (Скарыніч 1923).

В 1920-е гг. В. Ластовский не однажды представлял результаты своих исследований, концепцию национальной культуры белорусов на европейских научных форумах; тогда же исследования были опубликованы (Lastoyski 1923, Lastovski 1924). Суммарное же издание всех его публикаций в Литве было осуществлено белорусской и литовской эмиграцией в Германии после второй мировой войны (Ластоўскі 1956).

Проблемы униатского движения в ВКЛ привлекали внимание и литовских учёных межвоенного периода. Как и Ластовский, авторы публикаций исходили из того, что униатство оказало большое воздействие на межнациональные отношения и породило значительное литературное явление конца XVI – первой половины XVII вв. – т. н. *полемическую литературу*. К таким публикациям относится объёмная статья профессора Каунасского университета И. Йонинаса (Ignas Jonynas, 1884–1954) *Bažnytinė Unija* (Lietuviškoji enciklopedija, T. 3, s.174–191).

Автор проследивает историю Церковной Унии с момента раскола христианства и первой попытки единения в 869 г. и

последующих усилий в этом направлении Рима и Константинополя с тем, чтобы подробно описанную им историю Униатства ВКЛ концептуально обобщить следующим выводом: давние объединительные тенденции в рамках Великого княжества Литовского как многонационального государства не могли не привести к первому в истории результату – действительному объединению, закреплённому в термине Униатская церковь.

Литовский историк-теолог характеризует деятельность Базылианского монастыря и Киево-Могилянской академии, Ипатия Потeya и других епископов Униатской Церкви, приводит и комментирует сведения о численности верующих этой конфессии (к середине XVII в. 5000 униатских приходов и 8 миллионов прихожан). В статье – исследовании дается характеристика религиозной полемики, её участников, их текстов. Автор оценивает Литовское униатство в духовно-культурном плане – как имеющую всеевропейское значение встречу христианского славянского Востока с христианским латинским Западом. В конце статьи даётся примечательное пояснение: “Šiame straipsny rusais yra vadinami ne dabartiniai didžiarusiai (rusai), o senąja prasme rytų slavų kilmės žmonės, Lietuvos piliečiai, kurie dabar yra vadinami gudais ir ukrainiečiais” (š. 191).

Итогом изучения старобелорусской и староукраинской литературы в межвоенной Литве можно считать большую энциклопедическую статью М. Биржишки (М. Biržiška) *Gudų literatūra*, подготовленную им для 9 тома *Lietuviškoji Enciklopedija*, который должен был выйти в 1939 г., но в связи с начавшейся второй мировой войной вышел позднее, в 1941 г.

Обобщающий характер статьи Биржишки состоит, прежде всего, в отказе от полемических крайностей своих предшественников. Так, учитывая стремление ряда национально ориентированных исследователей «присвоить» *Слово о полку Игореве*, Биржишка настаивает на том, что этот памятник является общим достоянием восточнославянских народов: “...*Slovo o polku Igoreve*... imasi kas sau gudai, ukrainiečiai ir rusai, kuri laika net lenkai ir čekai” (p. 811). С другой стороны автор, вслед за Е. Карским и М. Грушевским, настаивает на правомочности и необходимости научно объективно обосновывать содержательные, лингвистические и литературоведческие особенности кириллических памятников письменности эпохи ВкЛ как старобелорусских и староукраинских. Поэтому он не считает возможным ввести в литовскую белорусистику труды И. Лаппо, в том числе опубликованные им после переезда в Литву исследования и текст *Литовского Статута* 1588 г. (Лаппо 1934–1938). Безусловно, Биржишка не мог согласиться с такими положениями И. Лаппо, как: «...русский язык письменности государства Литвы, а стало быть, и язык *Литовского Статута* нельзя называть белорусским по основаниям филологическим. Но может быть выдвинуто нефилологическое, а историко-политическое основание для такого наименования»; «Белорусский язык никогда не был языком русской письменности Великого Княжества Литовского» (Лаппо 1936, 348, 350).

Филологический уровень, как отмечалось выше, более всего привлекал внима-

ние М. Биржишки, однако выводы его иные: “Gudų literatūra tai vien kūriniai gudų kalba parašyti. Ištikus šimtmečius kalbiškiai ir tautiškiai besiformuojančių ir besavarankėjančių Gudų raštija reiškėsi X–XII a. vad. Cerkvine slavų, tikriau senovės bulgarų, kalba, kuri ilgainiui raštuose vis labiau pasiduodama šnekamosios rašytojų ir nerašytojų kalbos įtakai, gudų ir ukrainiečių gyvenamuose Rusijos plotuose virto XIII–XV a. rusiškojo rašto kalba, nuo d. L. k. Algirdo laikų ligi XVII a. pabaigos ėjusia ir Didž. Lietuvos Kun-kštijos valdžios raštinių ir teismo sprendimų kalba, daugiausia semiasi iš šnekamosios gudų kalbos ir tiesiog virsta gudų kalba. Tokios kalbos raštai XVI a. veikia ne tik gudų ir Ukrainos žmonių, bet ir lietuvių bajorijos vadovaujančius sluogsnius, Maskvos rusuose (XVI–XVII a.) įgydami lietuvių kalbos, tad lietuviškųjų, raštų vardą. Nuo XVII a. ta literatūra Guduose silpnėja, o Ukrainoje stiprėja, bet čia vis labiau pasiduoda šnekamosios ukrainiečių kalbos įtakai, nustoja veikusi Ukrainos šviesuomenė, besiverčiančia jau savąja (ukrainiškąja) literatūra, nebesiekia lietuvių, pačioje Gudijoje vis labiau nusilenkia lenkų kalbai, kurios griebiasi ir gudų rašytojai, XVIII a. dar silpniau pasireiškia, XIX a. vos bepasireiškia, gudų šviesuomenei, tad ir rašytojams, labiausiai verčiantis lenkų, paskiau ir rusų kalba, bet vis dėlto kartkartėmis kai kur pasirodo, o jau į pabaigą aiškiau ima reikštis ir XX a. atsigaua ir bręsta” (p. 811).

Предложенная М. Биржишкой периодизация, перечень источников, выверенность утверждений, суммирующих опыт науки XIX – начала XX вв., свидетельствуют о зрелости литовской белорусистики и украинистики межвоенных десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

- Багдановіч 1911 – Багдановіч М., *Песня пра князя Ізяслава Полацкага*, «Беларускі календар» на 1911 год, Вільня, 1910.
- Балтрамайтіс 1904 – Балтрамайтіс С., *Сборник библиографических материалов для географии, истории, права, статистики и этнографии Литвы*, II-е изд., СПб, 1904.
- Baronas 2000 – Baronas D., *Tys Vilniaus kankiniai. Gyvenimas ir istorija (Istorinė studija ir šaltiniai)*, Vilnius, 2000.
- Бялецкі 1923 – Бялецкі А., *Стан асьветы у беларускіх землях, адыйшоушых на I-му разьдзелу Польшы да Расіі*, «Крывіч» 1923, № 3, с. 38–41.
- Bieliński 1899-1900; Францев 1906; Janowski 1939 – Bieliński J., *Uniwersytet Wileński (1579–1831)*, Т. I – III. Kraków, 1899–1900; Францев В., *Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX века*, Прага, 1906; Janowski L., *Słownik bibliograficzny dawnego Uniwersytetu Wileńskiego*, Wilno, 1939.
- Biržiška 1909 – Biržiška M., *Literatura litewska*, “Wielka Encyklopedia Powszechna Ilustrowana”, 1909.
- Biržiška 1938 – Biržiška M., “Lietuvių literatūros istorijos programa”, *Biržiška M., Iš mūsų kultūros ir literatūros istorijos*, II Kaunas, 1938.
- Biržiška, Aleksandrinas I, 1990 – Biržiška V., *Aleksandrinas I*, Vilnius, 1990.
- Верещак 1923 – 1924 – Верашчак Ю., *Аб найменьях – «Гуды», – «Крывічы» – «Русь». Гісторыка-крытычны нарыс*, «Крывіч», 1923 № 2(2), с. 17–24; *Смаленская легенда аб св. Мэркуры*, «Крывіч», 1924, № 1 (7).
- Грушевский 1907, Грушевский 1912, Грушевский 1926 – Грушевский М., *Культурно-национальное движение на Украине XVI–XVII вв.*, Киев, Львов 1912; Грушевский М., *История Украины – Руси*, Т. 6, Киев, Львов, 1907; Грушевский М., *История украинской литературы*, Т. 5, вып. 1, Киев, 1926.
- Grzebiń 1996 – *Encyklopedia Wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995*, opracował L. Grzebien i in., Kraków, 1996.
- Zachorski 1927; Chodyncki 1927 – Zahorski V., *Legenda o trzech męczennikach wileńskich*, “Źródła mocy”, 2, 1927; Chodyncki K., *Geneza i rozwój legendy o trzech męczennikach wileńskich*, “Ateneum Wileńskie”, 13, 1927.
- Jiezovitov 1924 – Jiezovitov K., *Prof. E.F.Karskij. Bielorusy*, “Knygos”, Kaunas, 1924, Nr. IV–VI.
- Карский 1897, Карский 1903–1922 – Карский Е., *Что такое древнее западнорусское наречие*, 1897; Карский Е., *Белоруссы*. Т. I, Кн. 1. *Введение к изучению языка и народной словесности*, Варшава, 1903, Вильня 1904 (пов.); *Белоруссы*. Т. II. *Язык белорусского племени*. Кн. 1. *Исторический очерк звуков белорусского наречия*, Варшава, 1908; Кн. 2. *Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии*, Варшава 1911; *Белорусы*. Т. III, Кн. 1. *Народная поэзия*, Москва, 1916; Кн. 2. *Старая западно-русская письменность*, Петроград, 1921; Кн. 3. *Художественная литература на народном языке*, Петроград, 1922.
- «Крывіч» – «Крывіч». *Месячнік літэратуры, культуры і грамадзкага жыцця. Пад рэдакцыяй К. Дуж-Душэўскага, ад 1924 р. – В Ластоўскага, Коўна, 1923–1927, №№ 1–12.*
- Кузель 1924 – Кузель З., *Навуковае Товарищество ім. Шэвчэнкі ў Львове; Запіскі: Таўталёгія, Эпітэты, Кузулька, Беларускі дрэвары пачатку XVI ст., Даль об беларускай мове, Зборнік Бершадзкага, Рухомыя друкарні на Беларусі і Украіне, Кальвінскія зборы на Беларусі <...> Беларуска друкі часоў другога паўстанья, Бацька польскай камэдыі, «Крывіч», 1924, № 1 (7).*
- Лаппо 1934 – 1938 – Лаппо И. И., *Литовский Статут 1588*, Т. 1. *Исследование*, ч. 1, Каунас, 1934; ч. 2, Каунас, 1936; Т. 2. *Текст*, Каунас, 1938.
- Lastouski 1923, Lastovski 1924 – Lastouski V., *To the higt League of Nations*, Geneva, 1923, 11 p.; Lastovski V., *Ala Haute Société des nations à Genève*, Lausanne: Bovard & Jaunin, 1923, 10 p.; Lastovski V. *Mémoire concernnt les territoires Bielorussiens sous la domination polonaise, préseñiant a la Vme Assemblée de la societe des Nations*, Genève, 1924, 16 p.
- Ластовский 1923–25 – Ластоўскі В., *Пагляд расійскіх вучоных на беларускую мову*, «Крывіч», 1923, № 2, с. 24–27; Ластоўскі В., *О крыўская зямля; 3 мінуўшчыны: Старосельскі магілёк, Троцкі замак, Брацкія кнігі, Вяскоўя архэалёгі*, «Крывіч», 1924, № 1(7); *Віленская Грэка-Лаціна-Руская акадэмія*, «Крывіч», 1924, № 2 (8), с. 33–37; Ластоўскі В., *Прычыны заняпаду крыўскай мовы ў XVII ст.*, «Крывіч», 1925, № 10(2), с. 78–82.
- Ластоўскі 1956 – Ластоўскі В., *Творы*, München, 1956.
- Łużny 1966 – Łużny R., “*Psalterz rymowany Symeona Połockiego*” a „*Psalterz Dawidowy*” *Jana Kochanowskiego*, *Slavia Orientalis*, 1966, Nr. 1.
- М. К. 1937 – М. К., “*Хрысціанская думка*”. *Каталіцкі грамадска – асветны часопіс (1928–1939)*, Вільня, 1937, № 7.
- Mažvidas 1922; Gerullis 1927; M. Biržiška 1927; V. Biržiška 1930 – *Mažvydas*, Kaunas, 1922, s. XXX

+ 592, Издание подготовил и написал предисловие J.Gerullis; Gerullis J., *Senieji lietuvių skaitymai*, 1927; Biržiška M., *Rinkiniai mūsų senovės raštai*, Kaunas, 1927; Biržiška V., *Lietuviškų knygų istorijos bruožai. I*, Kaunas, 1930.

Святыє виленские мученики 1895; Сперанский 1909 – *Святыє виленские мученики Антоний, Иоанн и Евстафий*, Вильно, 1895; Сперанский М., *Сербское житие литовских мучеников*, Москва, 1909.

Скарыніч 1923 – Скарыніч Б., *Аб беларусах лаціньніках*, «Крывіч», 1923, № 2.

Sruoga 1931 – Sruoga B., *Rusų literatūros istorija*. T. 1, Kaunas, 1931.

Станкевіч 1924 – Станкевіч Я., *Праф. Карскі і яго «Белоруссы»*, «Крывіч», 1924, № 2 (8).

Сулімірскі 1925 – Сулімірскі Ю., *Аб назовах «Крывія» і «Беларусь»*, «Крывіч», 1925, № 10 (2).

Франко 1910 – Франко І., *Нарис історії українсько – руської літератури*, Львів, 1910.

SENOSIOS BALTARUSIŲ IR SENOSIOS UKRAINIEČIŲ LITERATŪROS TYRINĖJIMAI TARPUKARIO LIETUVOJE

Marina Ivinskaja

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjami XII–XVII amžiaus baltarusių ir ukrainiečių literatūrų publikacijos ir tyrinėjimai, atlikti M. Biržiškos, V. Lastovskio, Z. Kuzmickio, I. Jonyno ir kitų. Straipsnyje prieinama išvada, kad

jų atliktų senosios baltarusių ir senosios ukrainiečių literatūrų raidos tyrimų kokybė ir skaičius leidžia kalbėti apie baltarusistikos ir ukrainistikos atsiradimą bei išsivystymą tarpukario Lietuvoje.

OLD BYELORUSSIAN AND OLD UKRAINIAN LITERATURES IN LITHUANIA IN THE PERIOD BETWEEN TWO WORLD WARS

Marina Ivinskaja

Summary

The thesis studies the perception of three Slavonic literatures (Old Ukrainian, old Byelorussian) in Lithuania in the period between two wars. The position and role of these literatures in social and artistic life, their interaction with the Lithuanian folklore and later philology periodically attracted attention since XVI century. From the beginning of XIX century these problems separated into a special branch of comparative studies.

Lithuanian scientific and educational literature of 1920-1930s is characterized by an increasing attention to medieval Old Byelorussian and Old Ukrainian chronicles and annals; they were considered as Lithua-

nian as they gave an account of the Lithuanian history from the very beginning till the end of XV century, regarding it from a wide national point of view.

In the specified period a special role of the old Byelorussian, old Ukrainian literatures in the forming of ethnic and national self-consciousness of Lithuanians increased. The chronicle descriptions of the Lithuanian tribe's settlement territory, the constant flow of seasons, flora and fauna, the beauty of the sky and the earth, traditions, clothing, crafts, the people's appearance, their songs, ceremonies, pagan and later Christian concepts were effectively portrayed in many popular, pedagogical and scientific editions.

Получено: 2005, май.

Принято к публикации: 2005, июнь.

Адрес автора:

E-mail: marinaivi@yahoo.com